

18.08.2009
Лукьяненко Сергей

Сергей Лукьяненко:

В романах автора нашумевшего «Ночного дозора» Лукьяненко герои почти всегда пьют пиво, поэтому в гости к нему я решил прийти не с пустыми руками. Вспомнив, что в «Дозоре» силы добра в бой ведет светлый маг Гесер, остановил выбор на бутылках с одноименным светлым. Мой маленький презент оказался полной неожиданностью. «Соня! — закричал Сергей жене. — У меня впервые в жизни пивное интервью!» Откупорили бутылки и приступили к разговору.

Первые рассказы написал в 18

— Сергей, все время удивляюсь: почему книги у вас интересные, а интервью — скучноватые?
— Ответ, по-моему, очевиден: потому что их пишу не я. А если серьезно, от меня трудно дожидаться каких-нибудь разоблачений и резких заявлений, украшающих веяние интервью. Я человек достаточно закрытый.
— Те, кто любит фантастику, знают о вас все. А остальные — только то, что вы — автор нашумевшего «Дозора». Нужно представить себе нового героя.
— Родился я в 1968 году в Каратау, а детство провел в городе Джамбуле. Это обычный южный город с очень длинным солнечным летом. В советское время он был вполне пригоден для жизни...
— ...и всякому культурному человеку известен как родина Васи-

лия Алибабавича из «Джентльменов удачи».
— Да, этот фильм для моих земляков — культовый. Как и фразы вроде «Джамбул... — там тепло, там мама!» И на заправках регулярно уточняют, действительно ли бензин разбавлен оливиной мочой.
— А как насчет другой фразы из того же фильма «Я там сидел»?
— Все в порядке. В Джамбуле несколько зон «химии». Так что и посидеть есть где.
— И как же ваша семья с украинской фамилией оказалась в таких краях?
— Работа, распределение. Отцовские корни действительно откуда-то с Украины, но откуда именно, даже не знаю. А вообще у меня классическая медицинская семья: мама, папа, старший брат — все врачи. И я с детства понимаю, что никуда от этого не денусь. Учеником был достаточно ленивым. Но, преодолевая лень, золотую ме-

дали все же заработал. С раннего детства очень любил читать. Как многие мальчики — прежде всего фантастику. И всегда мечтал, что смогу писать что-то подобное. Но семейные традиции — прежде всего. Поэтому, закончив школу, поступил в алма-атинский мед, учился на психиатра.
— Тогда же, лет в 18, с поразительной юношеской наглостью начал писать фантастические рассказы в общую тетрадку. Никто не учил, не объяснял, как надо, но рассказы получились, и один из них вскоре был напечатан в журнале фантастики.
— После работы в психдиспансере устроился в журнал
— Минуточку. Для истории — как рассказ назывался?
— Название у него, как я сейчас понимаю, было в духе Пауло Коэльо — «За лесом, где подлый

враг». И все же в литературу я нырнул не сразу. Год после окончания меда поработал по специальности — в городском психдиспансере и понял: хватит морочить голову себе, родственникам, друзьям и самое главное — больным. Не мое это занятие...
— ...и ушли на вольные литературные хлеба?
— Ну, не совсем уж вольные. Пошел работать в журнал «Мир», который существовал при «Казахстанской правде». И заработок мой с самого начала был не хуже врачебного. Было мне тогда 24 года. Сейчас я рад, что пошел на эту авантюру. В противном случае результат моих трудов был бы куда хуже.
— Поработал лет пять в Алма-Ате, а дальше, как у классика: «В Москву! В Москву!», в центр приятия. К 1997 году у меня накопилось несколько неизданных романов. Они достаточно хорошо оценивались критиками. В общем, ехал не с пустыми руками.
— Да уж, завоевывание Москвы провинциалом — распространенный сюжет, большая советская мечта. «Москва не сразу строилась», не сразу все устроилось»...
— У меня получилось немного иначе. Юридические и финансовые проблемы решил достаточно быстро. Накопленных денег как раз хватало на однукомнатную квартиру в районе ВДНХ. Но выбрали ее очень долго. Носились с женой как угорелые по зимней Москве, смотрели варианты. Вокруг колотун, а мы одеты, как в Алма-Ате — намерзлись.
— Судя по всему, при выборе квартиры у вас природная лень выиграла. Жилье выбрали недалеко от издательства АСТ, которое вас печатает.
— Я об этом позже узнал. Но, скрывать не буду, очень обрадовался, что далеко бегать не нужно.
— А как проходила легализация в Москве? Неужели замечательная московская милиция ни разу

не тормозила? Тем более что внепланово у вас несколько азiateк.
— Есть немного. Это татарская фантастика. И всегда мечтал, что смогу писать что-то подобное. Но семейные традиции — прежде всего. Поэтому, закончив школу, поступил в алма-атинский мед, учился на психиатра.
— Тогда же, лет в 18, с поразительной юношеской наглостью начал писать фантастические рассказы в общую тетрадку. Никто не учил, не объяснял, как надо, но рассказы получились, и один из них вскоре был напечатан в журнале фантастики.
— После работы в психдиспансере устроился в журнал
— Минуточку. Для истории — как рассказ назывался?
— Название у него, как я сейчас понимаю, было в духе Пауло Коэльо — «За лесом, где подлый

враг». И все же в литературу я нырнул не сразу. Год после окончания меда поработал по специальности — в городском психдиспансере и понял: хватит морочить голову себе, родственникам, друзьям и самое главное — больным. Не мое это занятие...
— ...и ушли на вольные литературные хлеба?
— Ну, не совсем уж вольные. Пошел работать в журнал «Мир», который существовал при «Казахстанской правде». И заработок мой с самого начала был не хуже врачебного. Было мне тогда 24 года. Сейчас я рад, что пошел на эту авантюру. В противном случае результат моих трудов был бы куда хуже.
— Поработал лет пять в Алма-Ате, а дальше, как у классика: «В Москву! В Москву!», в центр приятия. К 1997 году у меня накопилось несколько неизданных романов. Они достаточно хорошо оценивались критиками. В общем, ехал не с пустыми руками.
— Да уж, завоевывание Москвы провинциалом — распространенный сюжет, большая советская мечта. «Москва не сразу строилась», не сразу все устроилось»...
— У меня получилось немного иначе. Юридические и финансовые проблемы решил достаточно быстро. Накопленных денег как раз хватало на однукомнатную квартиру в районе ВДНХ. Но выбрали ее очень долго. Носились с женой как угорелые по зимней Москве, смотрели варианты. Вокруг колотун, а мы одеты, как в Алма-Ате — намерзлись.
— Судя по всему, при выборе квартиры у вас природная лень выиграла. Жилье выбрали недалеко от издательства АСТ, которое вас печатает.
— Я об этом позже узнал. Но, скрывать не буду, очень обрадовался, что далеко бегать не нужно.
— А как проходила легализация в Москве? Неужели замечательная московская милиция ни разу

Знакомство получилось классическое: зашел в троллейбус, увидел девушку, понравилась, хотел договориться о свидании, она отказала.

— Знакомство получилось классическое: зашел в троллейбус, увидел девушку, понравилась, хотел договориться о свидании, она отказала.
— Как так?
— Да, это было. Я тогда учился на психолога в университете. Знакомство получилось классическое: зашел в троллейбус, увидел девушку, понравилась, хотел договориться о свидании, она отказала. Но мой телефон взяла. А через какое-то время перезвонила. Когда мы поженились, ей было 13, мне — 23. И с тех пор вместе. Недавно родился первенец — Артемий.
— Поздний ребенок.
— Да, тут у нас получилось как-то очень прагматично, по-западному. Учились, обустроивались, переезжали, опять обустроивались. Делали карьеру (Софья — кандидат наук, доцент, преподает в РГГУ). И лишь когда крепко стали на ноги, занялись детьми.
— Этой зимой, зайдя на вашу страничку в Интернете, я увидел объявление: «Семья Лукьяненко ищет хорошего врача-акушера в Москве».
— Когда приближались роды, я очень волновался. Соня у меня маленькая, а ребенок получился крупный. Некоторые говорили, что придется делать кесарево сечение, а мы сторонники естественных родов. К тому же из разных источников я узнал, что дорогие клиники и высокие гонорары — еще не показатель настоящего профессионализма. Потому и разместил это объявление на своей страничке.
— Помогло?
— Конечно! Было множество звонков и писем. Мне оставалось только фильтровать информацию. Мы остались довольны выбранными врачами.
— В начале 98-го вы уже обосновались в Москве. Следовательно, праздник дефолта встречали здесь?
— Да, веселенько было время. То есть, с одной стороны, работы переживаешь — деньги, заработанные тобой, обесцениваются, а с другой — заходишь с женой

— Конечно, ведь вскоре на горизонте объявился Константин Эрнст с «Первым каналом». Как это случилось?
— Да я как-то не очень запомнил. Кто-то подсунил Эрнсту книжку с «Ночным дозором». Он прочитал. И его в первую очередь привлекла шпионско-спецслужба на магическом уровне. «Наши» воюют с «ненашими», на грани фола, порой переступая эту грань. При этом «наши» парни тоже частенько работают не лучшими методами — на войне как на войне... Поскольку моих координат на «Первом» не знали, они обратились в АСТ. Оттуда перезвонили мне, и я поехал в «Останкино». Договорились быстро — тут уже речь шла о совсем другом подходе к фильму.
— Больше сомнения вызвала Жанна Фриске
— Забавно, режиссер «Дозора» Тимур Бекмамбетов тоже родился в Казахстане. Такое землячество помогло вам в работе?
— Да, наше азиатское происхождение было полезно. В «Ночном дозоре» воюют представители Света и Тьмы, Добра и Зла. В европейской традиции эти понятия трактуются очень уж прямолинейно: добрый Бог — злой Дьявол. А в восточной философии все сложнее: Зло — оборотная сторона Добра. Кстати, после «Ночного дозора» пойдут «Дневной дозор», в котором рассказ будет вестись с точки зрения сил Тьмы. И там неразделимость Добра и Зла будет показана более явно.
— «Дневной дозор» вы писали в соавторстве с Владимиром Васильевым...
— Да, хотя он мечтал делать этот роман в одиночку. Но я ему не позволил.
— Жабя задушила?
— Нет. Просто Васильев очень любит всех этих ведьмаков-колдунов, и я боялся, что без моего надзора он сделает их чересчур героическими.
— Вы принимали участие в отборе актеров?
— Есть такая форма договора, когда автор жестко отслеживает кастинг, но я для себя сразу решил, что не буду вмешиваться в этот процесс. И даже права вето требовать не буду. Надо доверять режиссеру, пусть каждый занимается своим делом.
— Права вето у вас не было, но право на свое мнение есть всегда.
— Самым умственным мне показался Меньшов в роли руководителя светлых магов Гесера. Стопроцентное попадание, эталон советский чиновник средней руки, может быть, выше среднего секретаря обкома по магии. Да, он, конечно, великий маг, прожил тысячу лет, но последние 70 лет из этой тысячи прожил в СССР и навхался всех советских штучек. Как ни удивительно, Виктор Верзибицкий (глава темных магов Зловон) тоже понравился, хотя он очень разошелся со своим книжным образом. Там был такой споконный интеллигент, а тут сильная демоническая личность. И это, наверное, правильно. В книге Зло может быть интеллигентным, а в кино должно быть злым. Хабенский, Куценко — без вопросов. Хороши Порошина, Чадлов. Восхищен Золотухин в роли отца вампира. Роль у него совсем маленькая, но мастер — это мастер.
— То есть вы с самого начала были в восторге от исполнителей?

— Нет, конечно. Большие сомнения у меня вызвала Жанна Фриске. Все же певица, в кино раньше не снималась, но в итоге сыграла неплохо, во второй серии ее героиня проявится рельефнее — у нее будет больше эпизодов. И Лагутенко...
— Да вы что! Как только Илья спел свои садистские шлягеры «В подворотне нас ждет маньяк», «Проснулась утром девочка», вся страна только и мечтала увидеть его в роли маньяка!
— Страна мечтала, а я опасался. Мне казалось, что он будет не совсем уместен. Но и здесь я ошибся.
— И что же дальше?
— Давайте считать. «Ночной дозор», «Дневной дозор», «Сумеречный дозор». Три романа по три новеллы, получается 9 серий. Эрнст, кстати, сказал: «Когда будете писать сценарии следующих «Дозоров», на спецэффектах не экономьте. Бюджет будет расти».

Экс-казахстанцы Соня и Сергей с московским Темой

Эрнст, кстати, сказал: «Когда будете писать сценарии следующих «Дозоров», на спецэффектах не экономьте. Бюджет будет расти».

— Да я смотрю, слава на вас мало повлияла. Выражаясь языком фантастики, какие антивзвездные фильтры ставите?
— Главное — относиться к себе, любимому, с иронией. К тому же всегда есть рядом друзья, к мнению которых я прислушиваюсь. Если что не так, они подправят. Также имеется замечательное антивзвездное средство в Интернете. Называется литературный конкурс «Рваная грелка» (название означает, что каждый участник собирает порвать своих соперников, как Тузик грелку). Определяется тема, и за 48 часов любой желающий, как маститый автор, так и новичок, анонимно творит рассказ на заданную тему. А потом участники (их обычно больше двух сотен) все это читают и голосуют.
— Какое же самое низкое место приходило занимать маститому автору?
— 13-е...
— А побеждать удавалось?
— Дажды. И честно говоря, от этих побед удовольствия получил больше, чем от прошлогоднего признания лучшим фантастом Европы на «Евроконе».
— А в этом году лучшим признали Ника Перумова. Неужели русская фантастика столь сильна в Европе?
— В общем-то да. Из великих европейских стран сильны англичане, но их трудно жестко отделить от огромного материка американской фантастики. Крепкие позиции у поляков — скажется то, что в стране есть такая глыба, как Станислав Лем. Германия и Франция не очень копируются.
— В ваших романах много стилистики, особенно рок-поэзия. А что, с поэзией бед приставки «рок» отношения не сложились?
— Почему же? Я люблю всякую хорошую поэзию, в том числе и классику. Но здесь все настолько традиционно, что мне даже неудобно называть имена: Пушкин и так далее. Правда, мой друг и соавтор по роману «Остров Русь» Юлий Буркин мечтает выпустить

сборник под названием «Пушкин — фигия!» Туда должны войти неудачные детские и юношеские стихи светила русской поэзии.
— И все же — чуть подробней о ваших вкусах.
— Когда читаю Есенина «Черный человек», каждый раз — дрожь по коже. Нравится Маяковский, но не большевикские стихи, а лирика, ранний период. Из современных поэтов больше всего симпатичен Дима Бояков...
— ...Спасибо, приятно за коллегу из «Собеседника».
— Он у вас работает? Не знал. Я давно читывался его стихами. Мы познакомились с ним в поэзде, когда ехали в Питер на концерт. Чуть ли не всю ночь общались. Но только позже понял, что это тот самый Бывков, чьи стихи люблю. Я его даже в роман «Геном» вставил. Там герой просит компьютер подобрать стихи о любви, и тот выдает ему «поэзию великого поэта XX — XXI века Дмитрия Бывкова».
— Вот-вот, давайте как раз поговорим о вечном. Фантастика считается коммерческим жанром, а рядом есть так называемая большая литература. Не хочется попробовать свои силы в ней? Вот, скажем, в 30-е годы был замечательный писатель-фантаст Александр Белыев, а рядом жил просто писатель Михаил Булгаков...
— Ну, прежде всего давайте не будем отрываться от русской фантастики нашего замечательного фантаста Михаила Афанасьевича Булгакова, написавшего роман в жанре городского фантази «Мастер и Маргарита», создавшего роман-катастрофу «Рокочевые яйца», отметившегося в юмористической фантастике пьесой Иван Васильевич. И тем же Булгаковым написан «Батум», никакой литературной ценности не имеющий. Так что не в жанрах дело. Их граница всегда разкая. И дело не в фантастике как таковой, а в самой литературе. Когда реалист Чингиз Айтматов вводит в «Бурный полустанок» элемент фантастики, большая литература вдруг начинает выглядеть бесполезно... Хотя конечно же есть устойчивое мнение, что фантастика — гетто литературы. Но это с какой стороны посмотреть. У хороших фантастов — тиражи огромные, а у многих заметных авторов из той самой большой литературы — 5—10 тысяч и не больше. То есть получа-

ется, эти авторы сами остаются в литературном гетто.
Хочу вытиснить за детективы
— И все же у меня иногда при чтении ваших книг создается ощущение, что фантаст Сергей Лукьяненко подходит к границе большой литературы, но не переступает ее. То ли боится, то ли не может...
— Не знаю. У меня комплекса неполноценности нет. Мне кажется, что если бы мои «Осенние визиты» или дилогия «Холодные берега» — «Близится утро» выпустили не в фантастической серии «Звездный лабиринт», а в строгой обложке — то об этих книгах судили бы по законам той самой большой литературы.
— Наверняка вам, как всякому писателю, хочется остаться в истории...
— ...остаться хочется всем, но заморачиваться по этому поводу не стоит. Есть масса очень хороших авторов, о которых все забыли. Скажем, Олдриджа и Лондона на Западе сегодня мало кто помнит. А у нас это любимые писатели. Не нужно сетовать, надо просто работать. Кстати, меня сейчас тянет уйти в другую, как вы говорите, коммерческий жанр. В России, по сути, нет настоящего детектива. И никогда не было. Братья Вайнеры — это, конечно, серьезно, но то, что они делали — это советский детектив, а значит, не совсем детектив. То, что сейчас лежит на развалах, тоже не детектив. Это либо глупая калка с Иоанны Хмельской, либо плохой слепок с американского полицейского романа: менты, банальности, разборки. Классического детектива по-прежнему нет. Работы, которую провел в этом направлении Акунин, была, конечно, полезной, но этого мало. Хочется написать этакое «Чисто русское убийство», в котором было бы логика и красота Агаты Кристи, динамика и классика Рекаса Струта, экзистенция и психологизм Жапризо. Но в сумме это все должно быть очень русским...
Тут светлый «Гесер», а вместе с ним и разговор сами собой закончились, что я остался в рамках европейской традиции и не взял темное «Гесера». Тогда бы, согласно восточной философии, разговор получился более полным и всеобъемлющим.
— Олег Кудрин.